

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

23—24 мая 1972 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР проходил I Симпозиум по балканскому языкознанию, посвященный проблемам античной балканистики. Этой фундаментальной темой, необходимой для уяснения многих лингвистических и этногенетических процессов данного региона, включая славянский период, начал свою работу постоянно действующий межинститутский Балканский семинар, организованный в указанном институте. Основная цель Семинара — объединение балканистов и осуществление комплексного подхода с точки зрения лингвистики, археологии, истории, этнографии и т. п. к проблемам балканоэтнографии с преимущественным интересом к этногенезу и методике исследования.

На четырех заседаниях Симпозиума обсуждались проблемы: 1) фракийский язык, с субстратным воздействием которого обычно связывают возникновение балканского языкового союза, и его ареальные черты в аспекте северной и юго-восточной периферии (фрако-балтийские и фрако-анатолийские) лингвистические связи); 2) фригийские надписи и фригийский язык в целом; 3) древнегреческий (включая микенский) и реликтовые языки Балкан.

И. М. Дьяконов (Ленинград) в докладе «Место фригийского среди индоевропейских языков» подверг рассмотрению весь комплекс задач, связанных с изучением фригийского языка, — от истории вопроса и насущных проблем эпиграфики до реконструкции грамматики. В итоге докладчик пришел к примечательному выводу о наличии в древности фрако-фригийской ветви внутри индоевропейского и ее общей близости к армянскому при чисто сатемном характере фригийского языка, выразившемся в определенной закономерности: и.-е.

**k̂*, **ĝ* (*h*) > фриг. *s*, *z*, то перед неслоговыми сонантами *r*, *l*, *n*, *m* те же и.-е. фонемы дают во фригийском чистые веллярные *k*, *g*. Последнее положение подтверждается некоторыми примерами, извлеченными из надписей: *sikhinnis* «танец» < и.-е. **k̂ig*-; *si* «сей» < и.-е. **k̂ios*;

e-sa(̂)it caus. impf. «приготовил» < и.-е. **k̂ei*-; *zet-na* «ворота, проход» < и.-е. **ghed*-; *zel-k-ia* «зелень» < и.-е. **ghelH*-; ср., однако: *kludros* — название реки < и.-е. **klū-dhro*-, **k̂'lū-ti*-, ср. арм. *lu* < **klū-t-os*; *wekros* «свекор» < и.-е. **suekr*(*ur*)*os*; *we-gno* «своерожденный, родич» < и.-е. **sue-gno*-; *glūros* «золото» < и.-е. **ghlō-r*-; *te-tik-menos* «проклятый, обреченный», возможно, из и.-е. **deik̂*-. Постулирование (исходя из приведенного материала) сатемной принадлежности фригийского вызвало определенные возражения. Например, ряд глоссы, чья фригийская принадлежность не вызывает сомнения, не удовлетворяет правилу, сформулированному в докладе, ср. **kun*- или *kan*- «собака» — Платон, Кратил 410 (< и.-е. **kun*-) и т. д.

В сокладе В. П. Нерознака (Москва) «Современное состояние изучения фригийского языка» была дана общая характеристика основных направлений и задач в исследовании старо- и новофригийских надписей.

Проблемы фракийского языка стали предметом рассмотрения также двух сообщений. В докладе Л. А. Гиндина (Москва) «К реконструкции фракийского» аргументируется основополагающее значение этимологии в современном ее понимании для воссоздания фракийского и очерчиваются границы этимологической реконструкции на различных языковых ярусах, налагаемых специфическими особенностями исходного материала (главным образом, ономастика). Далее условно выделяются три этапа в реконструкции фракийского с своими наиболее широко применяемыми методиками: 1) ортодоксально-генетический, базирующийся в основном на корневой этимологии; 2) комбинаторно-этимологический; 3) ареально-этимологический. Именно от ареально-этимологического метода, по мысли докладчика, следует главным образом ожидать коррекции достигнутого и новых знаний в реконструкции фракийского языка. Л. А. Гиндин обосновал правомерность сплошного этимологического обследования фракийских реликтов в аспекте малоазийских тождеств (уровень

греческих передач), с последующим проплетением их в текстах на хетто-лувийских языках, и привел некоторое число «анатолийских» основ — теофорных (*Arma-, Tarhu-, Mas-ta-*) и апеллятивных (*parn(a)-, tarp(a)-, taba-, hasta-*), обнаруженных им в фракийском ономастическом материале. Кроме того, предлагаются истолкования (в значительной мере опирающиеся на хетто-лувийские факты) двух распространенных фракийских элементов, ранее не имевших этимологии: *-πο-ς* в *Πρία-πο-ς* «бог нестойкой производящей силы», ср. карийск. МН *Πριαπόνυρος* (Plin. V, 31, 36), лик. ЛИ *Prija-bu-hama* < анат. **p(a)rija-bu-*, при хетт. *parija(n)* и втором элементе, возводимом к и.-е. **bhū-* «расти, урождаться, процветать»; тот же элемент усматривается в фрак. ЛИ *Mau-pus* и *Θεουλ-πο-ς*. По последним данным сюда же относится фрак. ЛИ *Deo-pus*; затем *-δων*, *-δου-* с предполагаемым значением «земля, страна, край», герп. «город» (= греч. *χθών*) в *Μυρ-δων-ία*, *Μαχε-δων-ία*, *ἄκρα Σαρπίδων*, *Σιγγι-δών* (вар. *Σιγγι-δουον*) и пр.) идентифицируется с первым компонентом догреч. *Δω-μάτηρ* (эол.), *Δαι-μάτηρ* (фесс.) и пр. (и.-е. **ghdhm* < *dhghdm*), фриг. м.-аз. *Γδαν-μαα* (**Γδαι-μαα*, и.-е. **ghdhm*) в топониме *χωρίον Γδανμαας* (МАМА I, 339), имеющего этимологическое значение «Мать-земля», эквивалентное догреческому теониму. В прениях по докладу было высказано пожелание в более точной датировке и источниковедческой характеристике фактов (И. М. Дьяконов; повторено и в связи с докладом В. Н. Топорова); известное недоверие вызвало чисто фракийское объяснение *Σιγγιδουον*.

Богатый по материалу доклад В. Н. Топорова (Москва) «К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры» является итогом многолетних разысканий. Предлагаемый сопоставительный и этимологический материал, распределенный на 7 разделов: 1) «Фракийско-балтийские параллели в области гидронимии и топонимии» (свыше 60 сопоставлений, охватывающих фракийскую лексику от А до К и отсутствующих у И. Дуриданова)¹; 2) «О возможной интерпретации некоторых дакийских названий растений»: *Usa-zila* «собачий язык» (и.-е. **uka-* «корова» + **ghel-* «трава»); литов. *karvžolė* «*Calta palustris*»; *Σκαρη* «*Dipsacus fullonum*, вид чертополоха, осота и пр.» (к и.-е. **sker-* «резать»; латыш. *skare*, *skara* «*Haferrispe*», литов. *skarėnis* «порезник»); *Τσίβλια* «дикая мята», по свойству вызывать чихание, из и.-е. *(*s*)*keud-*, отраженном в литов. *čiāudėti* «чихать», диалект. *skiāudėti* и пр., а также в литов. *čiāudāle* «*Achil-*

lea ptarmica» и пр., ср. русск. *чихотная трава* «*Achillea millefolium*» и т. д.; *Amolusta*, при алб. *amëlë*: литов. *āmalas*; латыш. *amuols* и пр., прусск. *emelno*, слав. *omela* (ср. суффикс *-ūsta* в балтийском). Прочие разделы посвящены этимологическому объяснению отдельных балканских лексем, за одним исключением, древних; 3) Развивается старое (Г. Майер и др.) отождествление рум. *viezure* «барсук» с алб. *vjedhullë* то же, по «волочащейся» походке из и.-е. **ueghu-lo*; 4) Имя хтонической богини плодородия *Nor-eia*, скорее иллирийской, чем кельтской, связывается как с обозначением жизненной силы, плодородия, так и с обозначением низа (земли, воды), ср. эдический бог моря *Njorðr*, этр. *Nortia*; единство обоих смыслов данного корня отражено в др.-инд. и авест. *nar-*, литов. *norėti* «хотеть» (в сексуальном смысле), слав. **norъ* и др. при др.-инд. *naraka-* «дыра; подземное царство», *nārāḥ* «воды», слав. **nora*, литов. *nerbėve* «русалка» и пр., прусск. *Neruttei* — обозначение жрецов, связанных с водой; 5) Указываются, вслед за Якобсоном, возможные следы балто-славянского бога грома и грозы **Perk(š)u-* на Балканах в связи с общебалканским персонажем, отраженным в сербо-хорв. *Пропоруше*, болг. и макед. *Пеперуна*, *Преперуна* и пр. н.-греч. *Περπερούνα*, рум., арум. *Pirpirúna* и др., алб. *Perperona* и т. д., изофункциональным лат. *Proserpina*, др.-греч. *Περσεφόνη*, этр. *Phersipnai* (источник античных имен — предположительно в догреческом слое Балканского п-ова и зап. Малой Азии); 6) Хеттский теофорный антропоним и имя бога *Perça*, связанное с культом лошади (староассирийские таблички), сопоставляется до возможности отождествления с именем фракийского конного бога *Ἡρως*, изображаемого повсеместно на коне с оружием в правой руке, и др.-греч. *ἦρος* из *ἦρωF-* и т. д. (для начала слова ср. судьбу *p* в армянском: *het* «след» при др.-греч. *πῆδον*); 7) Толкование семантическое и формальное фракийского названия бога трехлетнего цикла, обновителя и врачавателя *Ζάμροξ* в связи с теонимами — др.-греч. *Ἄσκληπιός*, хетт. (< хатт.) *Telepinus* и некоторыми другими апеллятивными лексемами, возводимыми к исходным формам консонантической структуры типа **t-l-p(b)-*, **sk-l-p(b)-*, **sk-l-m-* и под.; сюда же отнесено имя фракийского бога *Γεβελξίς*, ранее идентифицируемое с *Ζάμροξ* на иных основаниях (П. Кречмер и др.).

В. В. Ш е в о р о ш к и н (Москва) в докладе «К происхождению и взаимовлиянию алфавитов Балканского п-ова, островов Эгейского моря и Малой Азии» высказал идеи о том, что «изобретение» алфавитных письменностей, восходящих непосредственно или опосредствованно к семитскому «консонантному» письму,

¹ См. сб. «Балканское языкознание», М., 1973

было актом не единичным, не однолинейно направленным и разноместным, при постоянном взаимовлиянии соседних письменностей.

Два небольших, насыщенных фактами сообщения были прочитаны Вяч. Вс. Ивановым (Москва). В первом «К происхождению микенского греческого *wa-na-ka*» на базе новейших разысканий о значении данного термина (в ряде табличек вообще «бог, божество-покровитель», вероятно, чаще Посейдон) окончательно утверждается предположенное Лиденом и Педерсеном родство греч. *Γάλαξ* и тох. *A ñkât*, род. п. *ñaktes* «бог», тох. *V ñakte*, род. п. *ñakentse*. Сюда же отнесен ст.-фриг. *vanaktei* в качестве исконно родственного. Во втором сообщении «Проблема названия „зубра“ в балканских, славянских и балтийских языках» уточняется география этого бродячего термина в аспекте фактов кавказских языков с эпицентром распространения в последних.

Проблемы классического греческого языка были затронуты в докладах И. А. Перельмутера (Ленинград) «К предьстории древнегреческого глагола» и О. С. Широкова (Москва) «Классификация древнегреческих диалектов и проблема древнебалканских изоглосс» (по рефлексам палатализации шумных согласных в древнегреческих диалектах, албанском и армянском как представителей древнебалканского языкового союза (?)).

В заключение Вяч. Вс. Иванов познакомил аудиторию с некоторыми результатами его общей с Т. В. Гамкрелидзе работы, касающимися постулирования индоевропейской прародины в ближневосточном ареале (район Куро-аракской культуры — предгорья южного Кавказа восточная Анатолия, север Междуречья).

Л. А. Гиндин (Москва)

*

С 24 по 27 октября 1972 г. в Москве проходила научная конференция на тему «Соотношение естественных и искусственных языков», организованная Институтом языкознания АН СССР и Научным советом по проблеме «Кибернетика» при Президиуме АН СССР. Было прослушано и обсуждено около 80 докладов и сообщений по следующей проблематике: 1) естественные языки и искусственные знаковые системы; 2) языки науки; 3) естественные языки (ЕЯ) и информационные языки (ИЯ); 4) естественные языки и формальные языки (ФЯ); 5) метаязыки лингвистического описания; 6) естественные языки и искусственные языки международного общения.

Во вступительном слове чл.-корр. АН

СССР В. Н. Ярцева (Москва) отметила важность поставленных проблем как для научной теории, так и для решения народно-хозяйственных задач.

В коллективном докладе Г. В. Колшанского, Е. С. Кубряковой, Ю. С. Степанова и Т. В. Булыгиной (Москва) «Естественные языки и искусственные знаковые системы» были указаны принципиальные отличия ЕЯ от вторичных искусственных систем. Несомненно и тесная связь между ЕЯ и искусственными языками, выражающаяся, в частности, в том, что последние часто строятся на основе моделирования определенного языкового типа (аморфного, флективного и др.). Таким образом, совершенствование моделей искусственных языков подразумевает глубокое изучение принципов организации ЕЯ. И наоборот, как указал в своем выступлении Г. П. Мельников (Москва), в процессе создания искусственного языка для общения человека с машиной уточняются механизмы становления и функционирования ЕЯ.

Выступления В. И. Клепко (Москва), П. И. Копанева (Минск), Б. В. Бирюкова (Москва) и В. Ф. Лобаса (Ворошиловград) были посвящены соотношению понятий «искусственное» и «естественное» в применении к языковым системам. В. И. Абаев (Москва) говорил о неприменимости термина «естественный» к человеческому языку. На необходимость точного категориального определения понятий «естественный» и «искусственный» указал Г. П. Щедровицкий (Москва). Р. Г. Пиотровский (Ленинград) затронул вопрос о соотношении знака ЕЯ и машинного знака.

Специальное заседание было посвящено проблеме «языки науки», их специфике, месту в общезыковой системе и соотношению друг с другом — сообщения Л. А. Хухлиной (Новосибирск), Ю. А. Левецкого (Пермь), В. И. Эпкенази (Томск).

В докладе Вяч. Вс. Иванова (Москва) «Общие термины в языках науки» говорилось о том, что каждый из общенаучных терминов, употребляющихся в частных науках, должен быть предметом особой научной дисциплины (например, понятия «информация», «симметрия»). Если рассматривать общее языкознание как теорию, изучающую общие свойства языка, то набор основных терминов общего языкознания должен быть единым для описания любых языков (ср. опыт общей фонетики и современные работы в области порождающей семантики).

Сообщение В. В. Мартынова (Минск) было посвящено семиотическим предпосылкам создания единого языка науки.

В сообщении В. К. Гака и Б. М. Лейчика (Москва) анализировалось

соотношение искусственного и естественного в терминсистемах, которые, будучи искусственными образованиями как в плане выражения (специфические словообразовательные модели, аббревиатура и т. д.), так и в плане содержания, испытывают давление общеязыковой системы (тенденция к двухсторонней асимметрии и многозначности и т. д.).

Обсуждение проблемы «Естественные языки и информационные языки» было открыто докладом С. Э. Влэдуща (Москва), который отметил, что потребности информационного поиска вызывают необходимость создания ИЯ, по семантической силе приближающихся к ЕЯ. Однако чем сложнее ИЯ, чем больше они отражают структуру обслуживаемой ими науки, тем дальше они друг от друга. Общей основой для их сопряжения может, по мнению докладчика, служить ИЯ, построенный для области донаучных сведений. При построении такого языка следует опираться на результаты работ по созданию модели «Смысл ↔ Текст» и успехи порождающей семантики.

На тесную связь теории ИЯ с лингвистической семантикой указал В. А. Москович (Москва); в своем выступлении он выделил задачи, представляющие интерес для обеих дисциплин: 1) определение степени информативности слов в тексте; 2) разработка объективных методов выявления лексико-семантических связей слов.

Э. Ф. Скорородько (Киев) рассмотрел критерии классификации семантических структур текстов (преимущественно, научно-технических), определение типов которых необходимо при выборе режима работы информационной системы.

Принцип функционального моделирования, лежащий в основе построения ИЯ типа «Запрос — Ответ», обуславливает новый взгляд на семантику, подчеркнул С. Я. Фиталов (Ленинград). Поскольку знание семантики сводится к умению «разумно» пользоваться текстами для выдачи ответа на запрос, то семантика в таких системах суть правила преобразования или выводимости одних текстов из других. Сходную точку зрения высказал Г. М. Ильин (Ленинград). В сообщениях ленинградской группы рассматривалась возможность применения таких принципов к описанию не только ИЯ, но и ЕЯ. Так, Б. М. Лейкина (Ленинград) на примере анализа понятия множественности в ЕЯ показала, как единицы смысловой структуры могут классифицироваться и описываться через содержательные выводы, которые они позволяют делать из данного текста.

Проблема построения ИЯ, начиная от простых дескрипторных тезаурусов до самых сложных информационно-логических языков была темой многих выступлений. Так, в сообщении В. К. Вахובהва и В. Г. Зайцева (Пермь)

излагалась структура системы, способной функционировать с сводом первого документа от начального бестезаурного состояния до тезауруса. Р. Ю. Кобрин (Горький) указал на возможность использования терминологии ЕЯ в качестве языка индексирования для информационно-поисковой системы. А. И. Бобров (Пермь) предложил в качестве промежуточного смыслового языка при переводе с ЕЯ на ИЯ язык трехчленных ядерных конструкций. В. Д. Писцов (Ленинград) изложил проект такой информационно-логической системы, в которой в качестве информационно-логического служит ЕЯ. В. Н. Белоозеров (Москва) описал структуру фонетического компонента ИЯ.

Заседание, посвященное ЕЯ и ФЯ, открылось докладом Ю. А. Шрейдера «О статусе математической лингвистики как инструмента изучения естественных и формальных языков». В его определении математическая лингвистика призвана открывать и изучать математические структуры, существующие в языковых объектах, причем предметом математической лингвистики являются не индивидуальные объекты, а классы моделей. По мысли докладчика, математическая лингвистика может развиваться в плодотворном взаимодействии с традиционной лингвистикой.

Ряд выступлений был посвящен свойствам формальных грамматик (М. Л. Ломковская, Москва; А. Я. Диковский, Новосибирск; Э. Д. Стоцкий, Москва).

О чертах сходства между языками программирования и ЕЯ говорил Г. С. Цейтин (Ленинград). Чем сложнее конструируемый язык, тем он ближе к ЕЯ как по основным синтаксическим свойствам, так и по семантике.

Были прослушаны сообщения об описании отдельных фрагментов ЕЯ путем сопоставления с языками математической логики. Таким способом, например, описывает истинные и неистинные кванторные значения Т. А. Тулина (Одесса), дает анализ сильного и слабого отрицания Н. В. Коссека (Одесса), обнаруживает имплицитность некоторых высказываний в ЕЯ Т. А. Колосова (Алма-Ата).

Наибольшее количество сообщений группировалось вокруг проблемы «Метаязыки лингвистического описания». И. А. Мельчук (Москва) в докладе подчеркнул, что формализация языка в лингвистике особенно необходима из-за возможности смешения языка-объекта с метаязыком. Он изложил результаты работ в области формализации языка лингвистического описания в рамках модели «Смысл — Текст», которая обуславливает использование нескольких ФЯ, разделяемых на два класса: 1) языки, на которых записывается текст модели, — языки для записи

представлений высказываний на всех уровнях и для записи правил соответствия и процедур перехода между уровнями (метаязыки по отношению к ЕЯ); 2) языки для описания моделей «смысл — текст» — метаязыки по отношению к ЕЯ, включающие в себя как систему строящихся дедуктивно лингвистических понятий, так и математический формализм для описания моделей.

Ряд выступлений был посвящен теоретическим и методологическим аспектам метаязыка. Так, по мнению Л. Н. Засориной (Ленинград), в последние годы наблюдается преувеличение роли формализации лингвистического описания. В. А. Строганов (Москва) отрицал существование границы между языком-объектом и метаязыком.

Большинство выступавших предлагали образцы ФЯ разнообразного вида и назначения. Ю. С. Мартемьянов (Москва) предложил фрагмент семантической грамматики, средствами которой порождаются некоторые «ядерные» реляционно-семантические формулы и производятся преобразования над ними. Темой сообщения Ю. Д. Апресяна (Москва) был язык для описания синтаксических свойств слова, используемых в автоматическом смысловом синтезе. Была рассмотрена валентностная структура сложного предиката, правила упорядочивания валентностей, случаи синкретизма ролей при выражении валентностей. Анализировались ограничения на сочетаемость слова по данной валентности. Указано было на три типа синтаксической и семантической валентности (обязательная, факультативная и нулевая) и рассмотрено их пересечение.

Е. В. Падучева (Москва) в сообщении «Модальности в естественных языках и языках смысла» показала, как включение четырех типов модальностей (утвердительной, презумптивной, вопросительной и нейтральной) в глубинную структуру дает возможность привести в систему ряд разрозненных явлений поверхностного синтаксиса. Глубинная модальность проявляется в описаниях 1) перехода от семантических представлений к поверхностным структурам; 2) грамматической правильности, т. е. разного рода сочетаемостей и несочетаемостей наклонений; 3) синонимических трансформаций.

В сообщении В. М. Труба (Киев) предлагался ряд правил, позволяющих восстановить в языке семантической записи сокращенные «места» сложных предикатов.

З. М. Шалапина (Москва) изложила требования, предъявляемые к языку для записи значений слов в рамках моделей типа «смысл — текст»: толкование представляет собой структуру из элементарных семантических единиц (СЭ), обладающих парадигматическими и синтагматическими свойствами, которые обу-

славливают сочетаемостные свойства слова.

В сообщении А. К. Жолковско-го и Ю. К. Щеглова (Москва) были рассмотрены два основных компонента описания художественных текстов — понятия темы и приемов выразительности. На примере анализа поэзии Б. Пастернака было рассмотрено понятие «поэтического мира» как набора инвариантных тем — семантических постоянных автора.

Ю. И. Левин (Москва) предложил ФЯ для записи отношений родства. Были рассмотрены алгебраические свойства такого языка.

Х. Ыйм (Тарту) предложил представлять функциональную структуру предложений (тема, рема, коммуникативный динамизм) в виде последовательности элементарных сообщений. Сообщение Н. Н. Арават (Черновцы) было посвящено описанию механизма порождения смысла предложения. Э. Гольберг (Москва) рассказал о попытках экспериментального подхода методами нейропсихологии к решению задачи определения смысловых структур, являющихся единицами понимания текста и записи его в памяти.

В докладе С. К. Шаумяна (Москва) «Формальный метаязык и формальная теория как два аспекта порождающей грамматики» рассматривался универсальный операторный язык, пригодный как для описания любого ЕЯ на таксономическом уровне, так и для построения формальной теории ЕЯ. Последняя включает в себя базисный генотипический язык (язык мыслей) и гипотетический преобразователь выражений от базисного языка через производный генотипический язык (язык абстрактных лингвистических форм воплощения мыслей) до фенотипического языка (конкретные лингвистические формы воплощения мыслей). Преобразователь содержит ряд операторов (конверсии, слияния, идентификации и т. д.), называемых комбинаторами. С. К. Шаумян остановился на понятиях микро- и макроситуаций и семантического поля.

Л. З. Сова (Ленинград) сформулировала требования к метаязыку лингвистики, моделирующей процессы порождения текстов.

М. В. Арапов (Москва) предложил количественное определение меры продуктивности и продуктивного класса. С. И. Гиндин (Москва) построил дедуктивную типологию возможных трактовок связанного текста и в свете ее сравнил имеющиеся в лингвистике определения связанного текста.

Сообщения Т. Д. Корельской (Москва), И. Б. Долининой (Ленинград), Л. А. Бирюлина (Ленинград) были посвящены вопросам описания синтаксиса естественного языка.

В сообщении М. Л. Муравиковой и В. И. Перебейнос (Киев) было дано описание алгоритмической класси-

фикации словоформ по типам словоизменительных парадигм.

В постановленном вне заседаний докладе В. В. Н а л и м о в а (Москва) «Вероятностная модель языка» была дана классификация представлений о языке как о жесткой (слова — имена вещей) и мягкой системе (со словом связано поле значений). Была представлена семантическая шкала языков, на одном конце которой оказываются жесткие языки типа языков программирования, а на другой — мягкие языки; в них крайнее положение занимает язык абстрактной живописи.

Отдельное заседание было посвящено проблемам интерлингвистики, которая в докладе М. М. И с а е в а (Москва) была охарактеризована как составная часть социолингвистики, находящаяся на стыке языкознания, социологии и филологии.

С. Н. К у з н е ц о в ы м (Москва) были рассмотрены основные виды классификации международных искусственных языков (МИЯ) (по способу образования, количеству и качеству языковых манифестаций, по соотношению инвентаря морфем и слов, по тому, как строится инвентарь морфем, и т. д.). В. А. В а с и л ь е в (Москва) говорил о предпосылках внедрения языка международного общения в повседневный обиход, Д. А. А р м а н д (Москва) — о возможности использования эсперанто в качестве языка науки. В. П. Г р и г о р ь е в (Москва) настаивал на необходимости нормализации не столько морфем, сколько слов МИЯ. В сообщении А. И. В а й т и л а в и ч у с а и А. И. С к у п а с а (Вильнюс) было произведено сравнение словарного состава эсперанто с лексикой и словообразованием в национальных языках, причем указаны коммуникативные преимущества первого. Э. А. М о з е р т (Рига) отметил, что эсперанто, в отличие от родного языка, положительно влияет на усвоение иностранного языка. А. М. Л и х т г е й м (Москва) заметил, что, в отличие от ЕЯ, для МИЯ орфография является одновременно и фонетической, и фонематической, и морфологической.

Заключительным был доклад Н. Д. А н д р е е в а (Ленинград) «Естественные, искусственные и машинные языки в обществе будущего». Прослеживая тенденцию развития названных систем через взаимодействие между ними, докладчик полагает, что в результате конвергенции возникнет язык, единый для комплекса информационных машин и людей, причем сосуществование такого языка со всеми остальными будет длительным и устойчивым.

В решениях конференции был рекомендован ряд мер по расширению масштабов исследований в области описанной выше проблематики, в частности, включение в проблемно-тематический план языко-

ведческих институтов АН СССР исследований и экспериментальных работ по формализации лингвистических описаний и созданию искусственных языков, организация при ОЛЯ АН СССР Вычислительного центра, выпуск специального журнала по вопросам структурной и прикладной лингвистики.

С. Е. Никитина (Москва)

30—31 октября 1972 г. в Кишиневе состоялась научная конференция «Типология сходств и различий в группе близкородственных языков», организованная Институтом языкознания АН СССР и Институтом языка и литературы АН Молдавской ССР. В ней приняли участие представители научных учреждений и вузов Москвы, Ленинграда, Кишинева, Киева, Харькова, Калинин и других городов страны.

На конференции были рассмотрены вопросы различий и сходств близкородственных языков в социолингвистическом аспекте (типология языковых ситуаций) и в собственно лингвистическом плане. Актуальность разработки указанных проблем определяется не только общенаучными задачами, но и задачами языкового и культурного строительства, языковой политики в республиках Советского Союза, в том числе в Молдавии.

В докладах, построенных на материале многочисленных языковых ареалов — восточнороманского, испано-американского, англо-американского, франко-канадского, бразильско-португальского, немецко-австрийского, таджикско-персидского и других — освещались как общие вопросы теории языковых вариантов, так и конкретные типы языковой вариативности.

Р. А. Б у д а г о в (Москва) в своем докладе «Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения» отметил особенность романского лингвистического ареала: на его протяжении размещаются языки, сравнительно резко отличающиеся друг от друга (ср. французский и румынский), и языки, настолько близкие друг к другу, что их последовательное различение связано с преодолением ряда трудностей (ср. каталанский и провансальский). Автор подчеркнул, что при лингвистической классификации языков нельзя не считаться с культурно-историческим и географическим распространением языков, подлежащих классификации. В процессе характеристики близкородственных языков важно учитывать и функциональное несходство отдельных языковых категорий при внешних их совпадениях, и сознание людей, говорящих на данном языке, и темпы развития разных языков в разные эпохи.

В. Г. Г а к (Москва), определяя типы языковых образований (национальные языки, национальные варианты языков, диалекты и т. д.), отмечает в своем докладе «Проблема соотношения между родственными языками в функциональном аспекте», что в качестве критерия тождества или отдельности языка берется прежде всего норма, внешний, но наиболее заметный и характерный элемент языкового устройства, данный говорящим в их непосредственном опыте. Специфика языка определяется не только тем, какие единицы в нем имеются, но и функционированием этих единиц в конкретных актах речи. Исследование закономерностей функционирования однотипных языковых единиц показывает, что родственные языки имеют больше общего, чем неродственные в сфере узуса. Узус предстает как один из показателей тождества и различия социолингвистических образований.

Г. В. Степанов (Москва) в докладе «Объективные и субъективные определения понятий „диалект“, „вариант языка“» останавливается на объективных факторах (языковых и внеязыковых), позволяющих выделить понятие «национальный вариант языка». Национальный вариант языка характеризуется более сложной социальной стратиграфией и выполняет более разнообразные общественные функции, чем диалект. Уточняя постановку и понимание принципиальных вопросов языковой ситуации в Молдавской ССР, Г. В. Степанов охарактеризовал понятие «молдавский язык», стоящий в ряду таких самостоятельных романских языков, как национальные языки Франции, Румынии, Испании, Италии, в социолингвистическом плане как самостоятельный — в смысле свободного независимого функционирования и развития — язык молдавской социалистической нации, имеющий типичную структуру любого развитого языка нации, т. е. располагающего собственным литературно-письменным стандартом, специфической формой литературно-разговорной речи, связанных с формами обиходно-разговорной речи и говорами молдавского национального ареала.

В докладе «Основные характеристики понятия национального варианта литературного языка» А. И. Домашнев (Ленинград) останавливается на случаях, когда две или более различных нации используют в престижной социальной функции (в качестве литературного и государственного) язык, который в лингвистическом плане, в отношении основного инвентаря элементов, своей субстанции и структуры является единым. Национальный вариант воспроизводит социально-функциональную модель самостоятельного национального языка (диалектам отведено иерархически зависимое место). Совокупность национальных вариантов

литературного языка образует некую «архисистему». В лингвистическом плане это соответствует ситуации, при которой национально неомогенный язык существует как абстракция и практически реализуется в виде отдельных национальных вариантов.

В докладе «Современные языковые союзы и методы их изучения» Ю. С. Степанов (Москва) останавливается на двух противоположных тенденциях, объектом которых является национальный язык — разделительной (пример — испанский язык Испании и испанский язык в разных странах Латинской Америки) и объединительной (пример: сближение испанского языка Мексики с английским языком США). Используя материал разных групп и систем языков, Ю. С. Степанов отмечает, что при описании «современных языковых союзов» — от тесного языкового союза социалистических наций нашей страны в составе менее тесного языкового союза социалистических наций Европы и Азии, и т. п. — которые могут быть поняты и охарактеризованы только с учетом того, что в их основе лежит межнациональное общение и контакты на уровне национальных языков, — ключевым является понятие «национальный язык».

А. Д. Швейцер (Москва), оперируя понятиями «национальный вариант языка» и «вариант литературного языка», в своем докладе «К вопросу о типологии национальных вариантов языка» предложил характеристику некоторых лингвистических и социальных параметров, которые могли бы лечь в основу типологии национальных вариантов языка.

В докладе «Близкородственные языки или национальные варианты? (Еще раз о молдавско-румынской проблеме)» Р. Г. Пиотровский (Ленинград) ставит вопрос о критериях, оценивающих степень расхождения близкородственных языковых реальностей («говорений»). Их нужно искать в синхронии языка (ориентируясь при этом не на систему языка, а на его современную норму и на стилевые ориентации этих норм). Учитывая тот факт, что норма и стиль имеют вероятностную природу, эти критерии следует вырабатывать на базе статистико-дистрибутивного анализа параллельных текстов.

Тезисы доклада В. В. Аклуенко (Харьков) «О понятии „вариант языка“» посвящены определению данного сложного и многоаспектного понятия на основе как собственно лингвистических, так и социолингвистических признаков.

Анализ некоторых конкретных типов языковой вариативности содержался в совместном докладе И. К. Вартичана, С. С. Чиботару, С. Г. Бережана, А. М. Дырула (Кишинев) «Предпосылки к определению статуса молдавского типа речи как националь-

ного средства общения». В докладе в терминах вариативности дается характеристика соотношения близкородственных молдавского и румынского национальных языков, с одной стороны, и их стандартных вариантов, с другой. Авторы приходят к выводу, что на современном этапе развития молдавский и румынский языки представляют собой варианты единой дакороманской языковой системы или, другими словами, что дакороманская языковая система как некая «архисистема» реализуется практически в виде двух конкретных вариантов: румынского и молдавского языков.

В докладе «Канадский вариант французского языка» Е. А. Реферовская (Ленинград) ставит вопрос, имеются ли лингвистические основания говорить об особом «канадском» языке при несомненных отличиях разговорного и, отчасти, литературного французского языка Канады от языка Франции. Анализируя особенности французской речи канадцев и опираясь не только на лингвистические, но на социальные и социально-политические критерии, автор считает, что французский язык Канады вполне отвечает представлению о языковом варианте, подобно бельгийскому или швейцарскому вариантам французского языка.

Н. А. Катгощина (Москва) посвятила свой доклад «Языковая ситуация в Бразилии» проблемам, связанным со становлением бразильско-португальского письменно-литературного стандарта. В Бразилии наряду с письменно-литературным стандартом, ориентирующимся в большей или меньшей степени на португальско-европейские нормы, существует так наз. *lingua popular* — разговорный язык обширных внутренних районов Бразилии. Это не язык-посредник (*lingua franca*), а скорее общий относительно однородный язык креольского типа, характеризующийся упрощением глагольных флексий и сокращением флексий в именах.

В докладе «К вопросу о путях развития близкородственных литературных языков» В. С. Расторгуева (Москва) на материале персидского и таджикского языков прослеживает степень, характер, направление языковой дифференциации близкородственных литературных языков в разных исторических ситуациях. В докладе освещаются весьма значительные расхождения между упомянутыми языками в области фонетики, морфологии, лексики. Эти расхождения носят системный характер и затрагивают

все языковые уровни. Важным фактором в обособлении таджикского и персидского языков является их различная социальная значимость и социальные функции.

В докладе М. А. Бородиной (Ленинград) и С. П. Николаевой (Ленинград) «К вопросу о равнозначности и подчиненности вариантов языка» рассматривается проблема вариативности национального языка, ее особенности в разных областях Рومании, в разных экономических и политических условиях, в разные исторические периоды.

В ходе научной дискуссии, развернувшейся после докладов (в прениях выступили С. Г. Бережан, Т. П. Ильяшенко, С. В. Семчинский, А. Б. Чижиковский, Б. И. Ваксман и др.), продолжалось рассмотрение вопросов о статусе национальных языков социалистических наций и языковых союзов. Широкий обмен мнениями по указанным проблемам способствовал уточнению постановки принципиальных вопросов языковой ситуации национальных языков в советских республиках, в частности, в Молдавии.

Конференция показала, что изучение языка социалистической нации предполагает раскрытие таких основных положений, как: свобода и самостоятельность развития языка литературы, благоприятные условия для приобщения всех носителей языка к высшей форме национальной речи, возможность осуществления сознательного нормирования языка, создание общих единиц лексического фонда на базе контактирующих языков социалистических наций, использование коллективного опыта в языковом строительстве, осуществление языковой политики, основанной на принципах марксистско-ленинской науки о языке и нации с учетом конкретной языковой ситуации, выработка правильного отношения к языковым явлениям, возникающим в результате языкового союза социалистических наций, правильное понимание соотношения родного языка и языка межнационального общения в условиях существования союза социалистических наций и т. д. В целях дальнейшей углубленной разработки перечисленных проблем конференция признала необходимым объединить усилия ученых-лингвистов, литературоведов, социологов, историков, философов.

Участники конференции, проведенной в юбилейный год 50-летия образования СССР, с удовлетворением отметили плодотворность сотрудничества учреждений АН СССР и АН союзных республик.

Л. И. Лузм (Москва)